

◆ ПРЕМЬЕРА

Ночные волки «Луна-парка»

Рос. газета - 1992 - 12 дек. - с. 6

Павел Лунгин и его новый фильм «Луна-парк» опять, как и два года назад (тогда он дебютировал лентой «Такси-блюз» и был удостоен высшей награды Каннского фестиваля за режиссуру), окажутся в центре зрительского внимания и кинематографических страстей.

«Луна-парк» — это история человеческого становления Андрея, парня-«качка», воспитанного посторонней, но сердобольной дамой Аленой в духе ненависти к инородцам, кооператорам и гомосексуалистам, возглавлявшего банду подростков-единомышленников и вдруг узнавшего, что его отец — не погибший доблестный летчик — испытатель, а стареющий, никому не известный композитор Наум Хейфец...

Лунгиным удачно найден исполнитель главной роли — Андрей Гутин — выразительный, современный типаж с волевым, упрямым лицом, не знающим сентиментальных выражений и «дребезжащих» эмоций. Точно и жестко сыграна Натальей Егоровой роль Алены — женщины в чем-то несчастной, в чем-то болезненно непредсказуемой и страшной. Есть в фильме и замечательная эпизодическая роль у Нонны Мордюковой. Истинное актерское событие — исполнение Олегом Борисовым роли Наума Хейфеца. Умно, иронически-добро и виртуозно тонко по открытию деталей и нюансов характера Борисов сыграл плутоватого, суетного пройдоху еврея, безобидного, безалаберного и очень знакомого по жизни.

К сожалению, в «Луна-парке» нет того стремительно-легкого, ясного и эмоционально единого дыхания, которое было в предыдущей ленте Лунгина. Драка враждующих молодежных группировок на хаотичных и гигантских баррикадах в центре Москвы, с ножами, цепями, бульдозером, достойная батальных сцен из «Войны и мира» Бондарчука и эйзенштейновского Ледового побоища из «Александра Невского», сверкающие огнями «американские горки», огромные захлапанные пространства московских квартир и холодных железобетонных подвалов, крутые, налитые бицепсы агрессивных юношей и раскаты музыки Вагнера, русско-еврейская тема,

резкие сюжетные повороты и разветвления, усложненные психологические мотивации поведения героев и их биографий перегрузили и утяжелили смысловую канву фильма, а его эстетику сделали громоздко-бесформенной.

— Павел Семенович, первой сценой жестокой молодежной драки вы даете ложный ход зрительскому восприятию, словно фильм ваш о борьбе каких-то группировок. Почему вы это сделали?

— Есть два объяснения — одно умное, другое глупое. Умное — хотелось весь этот мир, из которого пришел главный герой, его ежедневную жизнь дать одним куском, одной сценой и больше к этому не возвращаться. Глупое — я сводил счеты с французской либеральной критикой за «Такси-блюз». У них все разложено по полочкам. Если кино длинное, черно-белое, с реками, полями, пророчески-сучное, про нищих, но благородных людей — это русское кино. Если бьют друг друга по лицу — значит, американское. После «Такси-блюза» меня упрекали, что я чуть ли не агент ЦРУ. И я подумал — хотите американское кино? Дам вам американское, а потом все разверну в душу, в любовь.

— Почему так сгущена атмосфера жизни в фильме?

— Искусство жизнь не изменяет, оно жизнь эту как бы пережевывает. В фильме есть некоторая фантастичность, он снят как сказка.

— Личностные, биографические моменты есть в фильме?

— В фильме я, скорей всего, Наум Хейфец, в котором много моих черт. И от меня там какая-то огромная ностальгия. Я жил, рос в ненависти ко времени, к государственной системе, а сейчас чувствую себя совершенно сиротевшим. Пришло какое-то новое поколение, которое вообще оторвано от истории, от культуры. Просто — «голые люди на голой земле». Надо сказать, эта проблема не только России. Мне кажется, я ухватил в фильме то, что происходит во всем мире — в Германии, например; были побоища в Лос-Анджелесе.

Когда мы снимали фильм, а снимать мы его начали сразу после путча, я спрашивал у ребят, которых мы набирали на станции Вы-

Исполнители главных ролей Андрей ГУТИН и Наталья ЕГОРОВА.

кино, в Орехово-Борисове, в Люберцах: были ли они на баррикадах? Оказалось, был только один. Большинство не знали о путче. А двое признались: «Мы хотели поехать туда, «грохнуть» солдата, очень был нужен «калашников». И в то же время кто они? Фашисты? Нет. Это дети какие-то, сколоссальным количеством наивности и добра. Когда я работал с ними, то видел, что они могут прилепиться к тебе, влюбиться. И они мгновенно это делают.

С одной стороны — завтрашние убийцы, с другой — потянувшиеся дети, которым хочется дать по конфете.

— Понравилась им идея вашего фильма?

— Да. Они сказали: «Отец же. Ну, еврей. Ну, не повезло парню. Не убивать же — отец ведь...» А сейчас, признаюсь, приятно видеть, что плакаты с портретами этих ребят расклеены по всему Парижу.

— Как с прокатом фильма в Париже?

— По посещаемости зрите-

лями он на девятом месте. Если учесть, что рядом крутят такие американские боевики, как «Чужой-3», «Смертельное оружие-3», то это неплохо.

— Вас уже упрекнули в русофобии...

— Есть группа экстремистски настроенных евреев в Париже, которые говорили, что фильм антисемитский. Легко принимать благостную фигуру еврейского старца, который входит в Освенцим со скрипкой, а еще лучше с ребенком на руках. Меня это абсолютно не устраивает. Мне кажется, самое замечательное, что есть в образе этого Наума Хейфеца, — он живой, неправедный. А через него, через старого нечестивца, идет линия извечного гуманизма. С другой стороны, как не заметить в фильме, что я люблю этого мальчика — своего героя. Для меня главное в фильме, что он и композитор — не отец и сын. Они просто любят друг друга, и здесь не играют роли ни раса, ни кровь, ни родство — это важно. Любить отца легко. Любить чужого — это для меня главный и единственный оптимизм.

— Как вы относитесь к обилию «еврейской темы» в сегодняшнем театре и кино?

— Мне кажется, не надо этого бояться. Мне очень хочется, чтобы слово «еврей» перестало быть ругательством. Когда в автобусе говорят «еврей», не надо обижаться. А «еврейский вопрос» я бы назвал «русским вопросом». Каждый раз, когда Россия находится на перепутье между Азией и Европой, вдруг откуда-то возникает с невероятной остротой этот «еврейский вопрос». Все дебаты на идеологическом, экономическом, культурном уровнях сводятся к тому, что такое Россия. Это обыкновенная страна, такая же, как остальные. И она может жить при демократии, может построить свободную экономику? Или она действительно мистическая страна, с особой историей, с особым предназначением и для нее европеизация — смерть? Основной вопрос — для нас главное общечеловеческое, или, как писал Федор Михайлович Достоевский: «Для меня Христос — русский, а если он не русский, то не надо мне такого Христа»...

Петр КУЗЬМЕНКО.